

2. «Социологизм» и идея «тотального человека»

Мосс несомненно разделяет основные принципы «социологизма», сформулированные Дюркгеймом. В программной энциклопедической статье «Социология», написанной совместно с Полем Фоконне, он отстаивает вслед за учителем идею специфичности социальной реальности и методологический принцип объяснения социальных фактов другими социальными фактами: «Поскольку социальные факты специфичны, они могут объясняться только причинами того же порядка, что они сами»[28].

Детерминизм, господствующий в социальной реальности, выводится из ее включенности в универсальный природный порядок[29]. Отсюда целью социологии провозглашается формулирование законов той или иной степени общности: «Существует множество законов различной степени общности. Объяснять в социологии, как и во всякой науке, — значит открывать более или менее частные законы, т. е. связывать определенные факты определенными отношениями»[30].

Эти постулаты дюркгеймовской позитивистской методологии[31] сочетаются с акцентом на «психическом элементе социальной жизни, коллективных верованиях и чувствах»[32].

Мосс, как и Дюркгейм, доводит принцип объяснения социального социальным до «социологического экспансионизма», т. е. рассматривает социологию как универсальную науку, включающую в себя другие социальные науки: этнографию, статистику, правоведение, политическую экономию и т. д.[33]

Но реально в своем творчестве Мосс включал в социологию главным образом этнографию. Эти две дисциплины в его исследованиях настолько тесно связаны, что Мосса-социолога просто невозможно отделить от Мосса-этнографа. По замыслу Мосса, «оплодотворение» этнографии социологией должно было превратить ее в науку, каковой она в начале века, по его мнению, еще не являлась[34]. Этнографию он, по существу, не отличает от этнологии, а этнологию — от социологии, поскольку все эти науки, с его точки зрения, имеют один предмет — познание социальных фактов[35]. Этнология и этнография являются для него той же социологией, исследующей общества, отличные от современного, прежде всего так называемые первобытные общества.

Еще точнее было бы сегодня квалифицировать жанр, в котором работал Мосс, как социальную антропологию, т. е. сравнительную социологию, так как, пользуясь сравнительно-историческим методом, он стремился исследовать то или иное явление в различных обществах. И все же основное внимание он уделял социологии «первобытных» обществ, совпадающей, с его точки зрения, с этнологией. В этом он следовал примеру

своего учителя: в фундаментальном труде «Элементарные формы религиозной жизни» также невозможно отличить Дюркгейма-социолога от Дюркгейма-этнолога. Мосс, как и Дюркгейм, сам не проводил полевых исследований, но вкус к конкретному этнографическому материалу у него был в высшей степени развит, а его эрудиция в этой области не имела себе равных. Любовь к фактам он прививал и своим ученикам: недаром многие из них стали этнологами, сочетающими теоретические и полевые исследования[36].

Выдвинутый Дюркгеймом постулат, разделявшийся и многими другими представителями Французской социологической школы, согласно которому исследование первобытных обществ имеет наибольшую эвристическую ценность, был тесно связан с эволюционизмом спенсеровского толка в подходе к проблемам развития и типологии обществ[37]. В целом Мосс также следует этому принципу. Но спенсеровский эволюционизм выражен у него гораздо слабее, чем у учителя. В своих исследованиях он ищет главным образом не генезис тех или иных явлений (что, по Дюркгейму, тождественно обнаружению их сущности), но, помещая их в контекст определенного социального целого, стремится выяснить их социальные функции. Мосс приходит к выводу о несовпадении «элементарных», «первоначальных» и «простых» фактов социальной жизни. «...Наиболее рудиментарные формы никоим образом не более просты, чем формы наиболее развитые, — пишет он. — Их сложность лишь другого порядка»[38].

Хотя Мосс, подобно Дюркгейму, основывал социологию религии на материале первобытных обществ, он вынужден был в конце концов обратить внимание на недостаточность такого подхода и необходимость исследования современных форм религиозной жизни[39]. В этом проявилось частичное осознание методологической несостоятельности эволюционизма Спенсера, разделявшегося в определенном отношении Дюркгеймом и оказавшего влияние на самого Мосса.

Некоторые расхождения между Моссом и Дюркгеймом обнаруживаются и в их общих антропологических концепциях. Для Дюркгейма человек есть *Homo duplex*, двойственная реальность, внутри которой индивидуальная (биопсихическая) и социальная реальности сосуществуют, фактически не смешиваясь[40].

Антропологическая концепция Мосса — это концепция «тройственного» человека в единстве его биологических, психических и социальных черт. «Изучаем ли мы частные факты или общие факты, в сущности, мы всегда имеем дело с целостным человеком...»[41] — пишет он. Мосс обосновывает необходимость изучения «тотального», т. е. целостного, человека, представляющего собой подлинный предмет всех гуманитарных наук[42].

Идея «тотального человека» тесно связана у Мосса с тезисом о необходимости интеграции различных наук о человеке с целью создания синтетического человекознания.

«...Тройственное рассмотрение тела, духа и социальной среды должно идти рука об руку»[43], — утверждает он. Отметим в этой связи различие в устремлениях Дюркгейма и Мосса. Перед Дюркгеймом стояла задача обосновать социологию как особую науку; с этой целью он стремился эмансипировать ее как по отношению к биологии, так и по отношению к психологии. Поэтому «антибиологизм» и «антипсихологизм» составляли в известном смысле пафос его творчества. Конституирование социологии в особую дисциплину, упрочение

позиций дюркгеймовского «социологизма» во Франции, возникновение разрыва между ним и другими направлениями в исследовании человека, порождавшего трудности методологического порядка, — все эти факторы заставляют Мосса обратиться к решению противоположной задачи, состоящей в том, чтобы уже отделившуюся реально (а не только в названии, как это было ранее) социологию объединить с теми дисциплинами, от которых ранее Дюркгейм так усердно стремился ее отделить. В связи с этим у Мосса мы не находим «социального реализма» (т. е. взгляда на общество как на реальность, независимую от составляющих его индивидов), который содержится в теории Дюркгейма.

Стремление объединить различные науки о человеке проявилось в конкретных исследованиях Мосса, находящихся на стыке социологии, психологии и биологии. В работе «Обязательное выражение чувств», анализируя траурные обряды австралийских аборигенов, он показывает, что выражения скорби, сопровождающие эти обряды, представляют собой не только психологические и физиологические, но и социальные явления, поскольку они характеризуются такими чертами, как неспонтанность и обязательность[44]. Мосс развивает здесь тезис своего учителя, который писал о тех же австралийских траурных обрядах, что «жалуются не просто потому, что грустно, но потому, что принято жаловаться»[45]. В другой работе Мосс приводит факты наступления смерти не просто в результате определенных физических причин, но вследствие того, что индивиды «знают или верят (что то же самое), что скоро умрут»[46]. Истоки этих индивидуальных представлений кроются, по Моссу, в коллективных религиозно-магических верованиях. Эти факты он считает типичным случаем «тотальных» фактов, требующих комплексного подхода: «Рассмотрения психического или, точнее, психоорганического здесь недостаточно... Здесь необходимо рассмотрение социального. И наоборот, недостаточно изолированного исследования того фрагмента нашей жизни, каковым является наша жизнь в обществе»[47].

Тот же принцип «тройственного союза» (социологии, биологии и психологии) проводится в работе «Техники тела». В одной из своих лекций Мосс определял технику как «совокупность традиционных актов, направленных на определенные объекты с целью получения механического, физического или химического результата и ожидаемого как такового»[48]. Он различает инструментальные техники и техники тела. Под последними понимаются традиционные способы, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом[49]. Мосс обращает внимание на тот факт, что в различных культурах люди по-разному производят даже те физические действия, которые представляются наиболее «естественными» и инвариантными. Традиционные культурные образцы оказывают влияние на способы жестикуляции, родов, кормления грудью, ходьбы, бега, плавания, положения во время сна и т. д.

Исследования Мосса, осуществленные на стыке различных наук о человеке, и сегодня представляют научный интерес и находят продолжение. Многочисленные факты подтверждают влияние группового и массового внушения и психического заражения на физическое самочувствие человека. Все большее внимание в социальных науках обращается на социальное значение человеческого тела, его социально-символические и социально-технические функции[50]. В полной мере сохраняет свою актуальность призыв Мосса к объединению и интеграции различных наук о человеке, к комплексному изучению

человека.

Мосс не разработал какой-либо общей теории человека, объединяющей разнообразные средства его познания. Положительное значение идеи «тотального» человека не в теоретическом синтезе, а, во-первых, в познавательной установке на единство наук о человеке, во-вторых, в конкретных исследованиях Мосса, в которых эта установка воплощена.

Версия #2

Зверобой создал 26 апреля 2026 01:33:40

Зверобой обновил 26 апреля 2026 01:35:30